

Алексей Сухоруков

Лето для мальчиков

Лечь. Животом. На подоконник. На теплый шелушащийся подоконник. Сухая краска отлетит, стукнет о виноград и упадет во двор. Солнце начнет печь затылок. Твоя тень ляжет на стену, уйдет вниз и сломается на карнизе.

Сохнувшее белье висит в небе. Между мокрыми простынями медленно плывет табачный дым. На соседнем солнечном балконе курит толстый мужчина.

– Мне интересно, – скажет мужчина, – чего ты не на море?

Балконная дверь за его спиной занавешена марлей. За марлей – сумрак комнаты и звяканье посуды, которую ставят на стол. Толстый мужчина говорит:

– Спечешься же дома... А на море – счастье. Сегодня хорошая вода... Скушаешь фрукту. Возьмешь рачки и квас... Сплаваешь до волнореза, познакомишься с девочки.

Мужчина улыбается, щурясь от дыма и солнца.

– Возьмете мороженое. Потом будете гулять. Потом вино и танцы, и ночью купаться... Это же море. Это девочки.

За марлей умолкает посуда, и женский голос говорит:

– Эдик! Ты старый кобель. Чему ты учишь мальчика, кобель?

– Чего ты кричишь? – говорит мужчина. – Как я могу научить? Я забыл уже все эти штуки. Мне даже неинтересно уже... Фира, помнишь, как ты потеряла купальник? Ночью на пляже. Я нырял тогда, чтобы найти.

– Я тебя стукну, сейчас, – говорит женщина за марлевой занавеской.

Высоко над двором крутится и визжит бельевой ролик. Длинная веревка со стиркой вползает в сверкающее небо. Полуголая полная дама развешивает капающее белье. На дамской груди качается низка прищепок и порванный лифчик.

Из окна мужской голос просит лениво:

– Люся, оденься... Люся, это неудобно... Ты же голая. Оденься...

– Отстань! – говорит дама и наклоняется над двором. – Кому я должна одеться? Здесь что, есть для кого одеться?

Толстый мужчина с солнечного балкона говорит:

– Фира! Ты это слышишь? Это может обидеть меня.

– Я тебя умоляю, – отвечает балконная дверь и звякает ложками. – Люся хочет выпендриваться. Можешь даже смотреть на нее. Если тебе не жарко...

Марлеву занавеску шевелит сквозняк.

– Все... Иди в дом обедать. И мальчика позови. Пусть вылезит с окна и приходит покушать. Люся! Вам все-таки надо одеться. Вы испортите мальчикам вкус. На всю жизнь.

Надо слезть с подоконника. Иначе увидишь, как толстый мужчина с тарелкой, накрытой салфеткой, идет через двор. Он позвонит в твою дверь. Потный, улыбающийся, задохнувшийся от подъема по лестнице. И ты все равно пообедаешь. Но совесть начнет грызть твое сердце. И день омрачится.

В комнатах у Фиры тень и прохлада. В кухне на круглом столе лежит чистая скатерть.

– Сделай мне удовольствие, – говорит Фира. – Доешь мне картошку.

Лысый Эдик кушает, широко расставив локти.

– Не запихивай булка, – говорит Фира. – Возьми курицу. Не мучайся с вилок. Поломай ей ногу, ты же спортсмен! Бери помидору, – говорит она. – Что значит некуда? Ты здоровый, ты должен быть голоден. Ты гуляешь, к тебе ходят друзья. Что у вас в холодильнике? Коцнутое яйцо и бумага от колбасы. Пей компот.

Фира убирает посуду со стола.

– Твоя мама завтра приедет. Вынеси с дома бутылки от вина. Маме это увидеть не нужно. Дай сюда чашку. В семь часов позовем тебя ужинать.

Фира моет посуду. Эдик ставит тарелки в большой буфет.

– Постарайся прийти голодным, – говорит толстый Эдик. – Доставь удовольствие. Дамы любят, когда ты молодой и голодный. Фира, я правильно помню?

– Положи тарелку, – говорит ему Фира. – Эдик, поставь тарелку. Я хочу тебя стукнуть.

И замахивается мокрым полотенцем.

В твоей комнате на полу лежит солнце. Над старым горячим паркетом носятся и вспыхивают пылинки. Из двора плывет запах котлет и кипящего варенья из абрикосы. И чье-то пианино старательно играет гаммы.

Лечь на диван. Взять книгу с выпадающими страницами. Открыть на закладке из трамвайного билета. И нырнуть.

Свежий ветер кренит твою шхуну. Под форштевнем, режущим воду, вскипает волна. Левый борт, накренившись, ловит брызги в открытые порты.

Где-то во флигеле сквозняк хлопает дверью. В оконном стекле вздрагивает отражение соседской крыши.

Ветер пахнет смолой от дымящих запальников. Шесть заряженных пушек чугунными жерлами смотрят в море. Канониры, пригнувшись к орудиям, шепчут ругательства или молитвы и ждут.

Занавеска чуть надувается и опадает, и прозрачная тень скользит по полу. Пылинки гаснут и вспыхивают снова.

Два тяжелых пистоля заткнуты за пояс. Эфес длинной шпаги блестит исцарапанной сталью. На груди под камзолом письмо с нежным признанием и надушенный тонкий платок. Ты машешь рукой. Канониры отскакивают от орудий. Грохот. Залп.

Дым уносится с палубы. Задыхаясь от ругани, матросы тянут к портам откатившиеся пушки. В скрипе дерева, столах и ружейной пальбе рыжий боцман кричит тебе женским визгливым фальцетом:

– Не смотри туда! Там шалава какая-то! Что ей здесь надо?

Книга упала на пол, рассыпались страницы. Солнце залило всю комнату. Свесив смуглую руку, ты лежишь на диване в послеобеденном детском поту.

– Не смотри на нее... Боря, я тебе запрещаю!

Лечь помятым животом на подоконник. На горячий белый подоконник. Толстый Эдик, дымя папиросой, улыбается миру

из старого кресла. В небе, дрожа и качаясь, ползет бельевая веревка. Полная дама с тазом белья кричит, обернувшись:

– Ты опять, туда пялишься! Боря... животное. Отойди от окна!

Красивая женщина из подворотни смотрит на окна. Открытые плечи с белыми полосками от купальника. Тяжелые серьги. Нитка золота, огибающая ключицы, ложится на грудь. И прячется в вырез, в узкую тень, в шелк и запах духов.

– Напялила все, что могла, – говорит дама с тазом. – Как последняя... Шо на ней только нету!

Прищепка слетает с балкона. Задев виноградные листья, на каменных плитах двора она щелкает и разлетается на половинки.

Женщина туфелькой трогает осколок прищепки.

– Если вам интересно, – говорит она, – если совсем интересно... То прямо сейчас нет белья.

– Туше, – говорит толстый Эдик из кресла. – Укол. Прямо в самое Люсино сердце. Я думаю, Боря не выживет.

Из кухонного окна, оставив плиту, смотрит Фира.

За ветками старой акации в оконном стекле блестит отраженное небо. Из окна и листвы мужской голос просит:

– Эдик, мне интересно... У Люси припадок по поводу? Мне отсюда не видно.

– Спускайтесь сюда, – говорит толстый Эдик. – Сильно долго рассказывать. Фигурка чудесная... И умеет ей пользоваться.

Из окна бывшей дворницкой смотрит мужчина с газетой.

– Здесь красивые ноги. Сеня, надо спуститься. Оно того стоит.

Солнце ломится в старые окна. Делает яркими стены, ствол акации, мусор и серые плиты двора.

На балкон, занавешенный пляжной подстилкой, выходит мужчина. Загорелая лысина свешивается через перила.

– Хорошие ножки... У меня тоже были такие. Две недели – как обморок... Я стоял на ремонте в Гаване.

Снова хлопает дверь. На втором этаже из окна выдувает длинную штору. За летающей шторой в трусах и халате красивый мужчина.

– Я не знаю, к кому вы идете, – говорит он. – Вы богиня, он вас недостойн. Я тоже. Но... У меня есть вино, сервелат и билеты на оперу.

– Мужчины, вы с ума посходили...

В кухонном окне, вытирая передником руки, стоит старая Фира.

– Мужчины – как малые дети. Увидели новую цацку. И тянете в рот. Дайте женщине жить.

У Фиры на солнце светятся рыжие волосы с седыми корнями.

– Миша, укройте халатом. Имейте же совесть. Так нахально лезть на чужое... Вам потом будет стыдно. И вам опять что-нибудь поломают.

Фира уходит со света. На кухне стучит о конфорки кастрюлями и роняет тяжелую крышку. И появляется снова.

– Юра, крикните Сене, чтоб он не спускался. Он забыл, что придется обратно. С его варикозом и сердцем... Эдик, ты будешь наказан.

У Фиры на тесной плите тлеет кухонная тряпка.

– Люся... Не орите на Борю. Он тоже мужчина. Пусть хотя бы посмотрит на сладкое.

Тряпка тухнет под краном.

– Девочка, идите, куда вы хотели. Не бойтесь их. Вы очень красивая, очень. Им приятно смотреть.

– Слезай с подоконника. Сухая краска прилепится к животу. И отпадет в длинном коридоре. В твою дверь позвонит женщина в легком платье, серьгах и духах.

– Как голодный ребенок... – скажет она, войдя, в комнату. – Ты съел мне помаду. Опустит занавеску, на нас смотрят.

– Зачем вам занавеска? – спросит Эдик с балкона. – Не надо... Мне и так плохо видно... Фира, не ставь на плиту. Он опоздает на ужин.

Женщина вынет заколку из длинных волос. Занавеска опустится. Свет погаснет – и солнце останется во дворе. И ты ослепнешь...

